

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-16-38

Т.А. Матасова

**МОЖНО ЛИ УКРОТИТЬ МОРЕ? ОБРАЗ БУРНОЙ
МОРСКОЙ СТИХИИ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ
КНИЖНОСТИ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ
(XIII–XVIII вв.)**

T.A. Matasova

**IS IT POSSIBLE TO TAME THE SEA? THE IMAGE OF
A STORMY SEA IN THE MONUMENTS OF RUSSIAN
LITERATURE AND POPULAR CONSCIOUSNESS FROM
THE 13TH THROUGH THE 18th CENTURIES**

Аннотация. Целью исследования является комплексная реконструкция образа морской бури, запечатленного в русских источниках, преимущественно относящихся к периоду до начала XIX в. Предмет исследования — становление и эволюция представлений о морских штормах в русской культуре рассматриваемого времени, выявление особенностей этих представлений, их соотношение и взаимосвязь, определение факторов, которые могли на них влиять. Привлечены источники различного происхождения, начиная от бытовавших в русских землях переводных экзегетических сочинений («Шестоднев» Василия Великого и Иоанна Экзарха Болгарского) и оригинальных агиографических произведений (жития Зосимы и Савватия Соловецких, Трифона Печенгского и др.) до поэзии М.В. Ломоносова и памятников фольклора — поморских плачей, «ожиданьиц», заговоров, пословиц и поговорок, северных былин и кора-

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matasova Tatiana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Russia until the Early Nineteenth Century, Lomonosov Moscow State University

tamatt2009@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9433-5068

В основу статьи положен доклад, сделанный автором на всероссийской научной конференции «Море в культурных контекстах русской истории», организованной историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Соловецким Морским музеем и состоявшейся 3–5 февраля 2024 г. Автор сердечно благодарит А.В. Лаушкина и В.В. Ткаченко за дружеские советы.

бельных кантов. Ранее подобных обобщающих исследований не проводилось. Специальное внимание уделено анализу попыток укротить морской шторм, представленных в первую очередь в памятниках народной культуры. В статье на конкретных примерах показано влияние христианской культуры и памятников оригинальной и переводной письменности на фольклорные традиции в контексте осмысления образа моря. Показано, что вопрос об укрощении морской стихии в рассмотренных источниках принадлежит к числу сложных и неоднозначных. С одной стороны, согласно христианским представлениям, «неукротимые» морские волны подвластны только Творцу (или святым, действующим по Его воле). Именно эта мысль представлена в источниках наиболее ярко и полно. С другой стороны, разнообразные попытки поставить шторм на службу человеку заметны в целом ряде заговоров и преданий, хотя их количество не слишком велико. Показательно, что единственным человеком, способным сопротивляться буре, в отдельных памятниках представлен только Петр Великий. В наделении первого российского императора подобными чертами проявилась апологетика самодержавия в народной среде. Романтические ассоциации, связанные с образом морского шторма, появляются в русской культуре не ранее Нового времени.

Ключевые слова: образ моря, буря, книжность в России, русский фольклор, народное сознание, Петр I.

Abstract. The objective of the present study is a complex reconstruction of the image of a sea storm as depicted in Russian sources, with a particular focus on those from the period up to the beginning of the 19th century. The subject of the study is the formation and evolution of representations of sea storms in Russian culture during the specified time period, the identification of the distinctive characteristics of these representations, their correlation and interrelation, and the determination of the factors that could have influenced them. Sources of various origins were used, ranging from translated exegetical works, such as Six Days of Creation by Basil the Great and John Exarch of Bulgaria, and original hagiographic works including the hagiographies of Zosima and Savvatii of Solovki, Tryphon of Pechenga, and others, to the poetry of M.V. Lomonosov and works of folklore: Pomor laments, “expectancies”, incantations, proverbs and sayings, northern bylinas and ship’s cantos. Such generalizing studies have not been carried out before. The analysis of endeavors to subjugate the sea storm, as evidenced by monuments of folk culture, is a particular focus of the study. The article employs specific illustrations to demonstrate the impact of Christian culture and literary works, both original and translated, on folkloric traditions, in the context of comprehending the sea’s image. The analysis demonstrates that the notion of subduing the sea, as depicted in the sources examined, is a multifaceted and enigmatic concept. On the one hand, the Christian conception posits that the sea’s indomitable waves are subject to the divine control of the Creator (or saints acting in accordance with His will). This notion is articulated most vividly and comprehensively in the sources under consideration. In contrast, there are various accounts of attempts to harness the power of the sea for human purposes, although these are not numerous. Notably, Peter the Great is depicted in certain monuments as the sole figure capable of weathering the storm, suggesting a cul-

tural and historical significance in this portrayal. The depiction of Peter the Great as the sole figure capable of resisting the storm is indicative of the apologetics of autocracy in the popular environment. Romantic associations with the image of a sea storm are not a feature of Russian culture prior to the Modern period.

Keywords: image of the sea, storm, literacy in Russia, popular consciousness, Russian folklore, Peter the Great.

* * *

В русской культуре образ моря исключительно ярок и богат смыслами. Мысль о том, что «исторический путь России направлен к морю»¹ не является преувеличением. Одним из ключевых факторов, приведших к складыванию в IX в. единого государства на огромной территории, заселенной восточными славянами, был путь «из варяг в греки». Первым покровителем этих земель стал свт. Климент († 101), папа римский — заступник мореходов². Его широчайшее почитание на Руси, выразившееся в создании многочисленных икон святителя и возведении многих «морских» храмов с посвящением престолов в его память, обнаруживает неразрывную и живо осознававшуюся на протяжении веков связь русской истории с морем. Когда же рассказ об апостоле Андрее, запечатленный в Повести временных лет, приобрел свое особое значение для русского мира³, образ перво-званного апостола также оказался навеки связан с морем: недаром на флаге русского флота изображен андреевский крест — символ свидетельства о Христе первого Его ученика. Кажется неслучайным и то, что «русский Бог» — свт. Николай Чудотворец († 343) — также почитается как покровитель моряков. Эти «морские настроения» русской культуры запечатлены в одном из духовных стихов «Голубиной книги» — подлинном средоточии главных сюжетов и символов русской цивилизации:

Почему океан всем морям мати?
Посреди моря океанского
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,

¹ Матонин В.Н. Арктическое мореплавание как форма аскетике и духовного делания // Река Кушерецка: мореходная книга XVIII в. (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск, 2011. С. 32.

² Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013; Уханова Е.В. Культ св. Климента, папы Римского, в истории Византийской и Древнерусской Церкви IX — первой половины XI в. // Slavistica: Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 1997–1998. Vol. 5. Napoli. 2000. P. 505–570.

³ Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 7–23.

Святого Климента, папы Римского:
На церкви главы мраморные,
На главах кресты золотые.
Из той церкви из соборной,
Из соборной, из богомольной,
Выходила Царица Небесная;
Из океана-моря она омывалась,
На собор-церковь она Богу молилася, —
От того океан всем морям мати⁴

(здесь и далее курсив мой. — Т.М.).

Самая известная поморская поговорка — «море — наше поле». Ее лаконизм подразумевает широкий спектр смыслов, и показатель-но, что именно она была использована в названии нескольких со-временных монографий⁵. Величественный образ морского простора весьма ярко представлен в культуре русского Средневековья. Как сказано в «Шестодневах» Василия Великого († 379) и Иоанна Эк-зарха Болгарского († первая треть X в.), «да добро есть оубо море Богу»⁶, и раскрытию этой идеи посвящен довольно большой пассаж, представляющий собой подлинный гимн морю⁷. Русские книжники любят морским простором, они видят в море прекрасную тайну замысла Творца «всяя твари»⁸. Море для русских книжников — это пространство чуда и милости Божьей⁹.

Тем не менее, нередко море ассоциируется с неукротимой бурей, несущей неизбежную опасность. Для более рельефного и глу-

⁴ Голубиная книга. М., 1991. С. 40.

⁵ Лайус Д.Л., Дмитриева З.В., Крайковский А.В. «Море — наше поле»: количе-ственные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей XVII — начала XX вв. СПб., 2010; Матонин В.Н. «Море — наше поле». Социокультурное про-странство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск, 2013.

⁶ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 419.

⁷ Соловецкий монастырь и морское наследие Русского Севера / Отв. ред. А.В. Лаушкин. М., 2023. С. 13–16.

⁸ Там же. С. 10–49.

⁹ См., например: Дмитриева Р.П. О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV–XVII вв.) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 645–656; Морозов С.В. Морские чудеса соловецких святых // Соловецкое море. Вып. 4. Архангельск; М., 2005. С. 9–14; Лаушкин А.В. Морские чудеса преподобного Иринарха Соловецкого как источник по истории веновального промысла поморов во второй четверти XVII в. // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря. Первая международная научная конференция. Сборник научных статей и докладов. Соловки, 2011. С. 75–79; Морские чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Житийные источники, комментарии / Публ. В.Н. Матонин // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 8. Архангельск; М., 2009. С. 8–11; Соловки и морское наследие Русского Севера. С. 21–30. Бильдюг А.Б. «Кому суждено, так тому суждено». Рассказы о спасении на море // Русская литература. 2023. № 1. С. 21–28.

бокого понимания традиции осмысления морской стихии в русской культуре кажется важным рассмотреть существенные особенности восприятия образа моря «бурями мутимого»¹⁰, «возъярившегося волнами»¹¹, «восколебавшегося»¹², «неистовящегося»¹³, как он отразился в памятниках Средневековья и раннего Нового времени. Целесообразно также рассмотреть соотношение книжного и народного осмысления образа бушующего моря на протяжении веков. Хронологические рамки, заявленные в заглавии, условны: в основном к анализу привлечен материал XIII–XVIII вв., однако порой кажется необходимым обращение к свидетельствам фольклора, зафиксированным в более позднее время (XIX–XXI вв.), но отражающим гораздо более архаичные представления. К исследованию привлечены в первую очередь источники, созданные или бытовавшие на Поморском Севере и на сопредельных территориях, поскольку именно в этом регионе рефлексия о море оказывалась наиболее развита.

«Волние морское неукротимое»¹⁴ было хорошо известно на Русском Севере. Своего рода культурным противовесом поговорке «море — наше поле» может быть присловье, зафиксированное К.П. Гемп: «помор морем живет, а все по земле сучает»¹⁵. В записных книжках Б.В. Шергина отразились поговорки: «море что горе — хорошо со стороны», «хорошо море с берега»¹⁶. Не случайно библейский образ «многомутного моря житейского» так созвучен русской культуре. В Житии прп. Трифона Печенгского (конец XVII в.) читаем: «окаяненъ миръ сей, яко море неверень, мятежень»¹⁷. Народный вариант этой мысли лаконичнее: «в мире что в море»¹⁸. Подобные аллюзии позже нашли лирическое отражение в известной дореволюционной песне «Страшно бушует житейское море...»¹⁹.

¹⁰ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Указ. соч. С. 304.

¹¹ Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. Т. 25. М.; Л., 1970. С. 193.

¹² Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. XVIII век. Кн. 5. Рукописный песенник XVIII века / Отв. ред. Е.Е. Васильева. СПб., 2002. С. 154.

¹³ История о делах великого князя Московского / Подгот. текста К.Ю. Ерусалимского. М., 2015. С. 206.

¹⁴ Минеева С.В. Рукописная традиция Жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 2. Тексты. М., 2001. С. 21.

¹⁵ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М., 2021. С. 191.

¹⁶ Цит. по: Егоров Б.М. Мой Борис Шергин. Архангельск, 2022. С. 176.

¹⁷ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М., 2009. С. 203.

¹⁸ Цит. по: Егоров Б.М. Указ. соч. С. 171.

¹⁹ Гусли. Сборник духовных песен / Под ред. И.С. Проханова. Гольштадт, 1911. С. 145.

Смежным к этому образу является восприятие бурного моря как «пучины греха». В одном из стихов любимого ученика патриарха Никона, архимандрита Новоиерусалимского монастыря Германа († 1682) есть строки: «Аз же помышляю грехов моих пучину, аки великого моря сущую глубину»²⁰. Бытование поговорки «сам в кручине, что корабль в пучине»²¹ отразило вхождение этих идей в самую глубину народной культуры.

Библейский образ моря — «великого и пространныго» (Пс. 103:24) — развит в Шестодневах, Толковой палее и других оригинальных и переводных богословских текстах, широко представленных в библиотеках монастырей Русского Севера. В этих памятниках непостижимое, мятежное и своенравное море представлено как «великое и гордое»²², «гордый океан»²³. Со времен царя Давида утвердился мысль о том, что лишь Господь Своей силой способен обуздать море: «Силен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе. Ты владычествуеши державою морскою, возмущение же волн его Ты укрочаеши» (Пс. 88: 9–10). Проникновенные рассуждения в этой связи есть в Шестодневе Иоанна Экзарха. Говоря о том, как мудро и неисповедимо Господь устроил мир, экзегет отмечает удивительное свойство моря: оно «надымающихся на суседу землю и проливаемо песка ся стыдить, и нарочитых предел не рачить преступати, но яко конь текии и воздержается уздою, сице ти море неписанныи законъ видя песком написанъ, и ввращается»²⁴. Это, на первый взгляд, сверхъестественное свойство моря, подлежит универсальному объяснению всех не вполне ясных природных явлений, емко выраженному свт. Андреем Критским († 470): «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо елика хочет»²⁵.

Подобные идеи (и размышления, на них опирающиеся) нашли яркое отражение в русской агиографии, гимнографии и памятниках некоторых других жанров. Один из основоположников старообрядческой литературной традиции Семен Денисов (1682–1740), с бере-

²⁰ Цит. по: Позднеев А.В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв. М., 1996. С. 37.

²¹ Цит. по: Егоров Б.М. Указ. соч. С. 169.

²² Толковая палея 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. Вып. 1. М., 1892. Л. 21 об.

²³ Позднеев А.В. Указ. соч. С. 102.

²⁴ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Указ. соч. С. 304. («Море, набрасывающееся на соседнюю землю, набегае, стыдится песка и не хочет преступать определенные пределы, но как несущийся конь сдерживается уздою, так и море, видя неписанный закон Божий, песком написанный, возвращается обратно». См. перевод: Там же. С. 657.)

²⁵ Великий канон преподобного Андрея Критского с переводом на русский язык. М., 2007. С. 21, 45, 73, 94

гов Выга вторя критскому богослову, размышлял о «вышестественном благодати содержания»²⁶, в котором проявляется деятельное участие Господа в жизни людей.

Но само по себе море своенравно, без постоянного и целенаправленного божественного усилия взаимодействие человека с морем выводит морехода в пространство неопределенности и тревоги. В «Повести временных лет» присутствует знаменитый сюжет о том, как дружина князя Игоря обратилась к нему перед походом на Царьград в 944 г. со словами: «Ли с моремъ кто светенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей...»²⁷ Настроения киевских воинов X в. разделяли поморы Нового времени, также хорошо знавшие переменчивый, «непогодливый»²⁸ характер моря: «А с морем кто свестен? Не по земле ходим, но по глубине морской»²⁹. Характерны и слова поморов, записанные К.П. Гемп в XX в.: «Море это все балует, по-своему вертит», «Море возьмет — никого не спросит»³⁰. При знакомстве с поморскими плачами, ожиданиями³¹ складывается впечатление, что море не только мятежно, но даже обидчиво: ни одна поморская «жонка» не ругает море, поскольку «отзовешься [о море] неладно — расшвирипеет»³².

Важной была мысль о том, что для человека бурные волны воистину страшны. Подобные настроения обнаруживают и ожиданияца («ох, и страшна волна морская // Холодна, темна, солонна волна глубинная»³³), и воспоминания (зимой «между плавающими льдинами, серо-белыми, с голубизной и с прозеленью, живет вода, темная, с натугой переливающаяся. *Страшно взглянуть в ее глуби...*»³⁴), но еще более — старины, собранные Киршей Даниловым (в одном из них речь идет о «синем море, *глухоморье зеленом*»³⁵) и сказки (в одной из них, записанной Н.Е. Ончуковым на Нижней Печоре,

²⁶ Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких. Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н.В. Поньрко и Е.М. Юхименко. М., 2002. С. 78.

²⁷ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева, под ред. В.И. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 23.

²⁸ Гемп К.П. Указ. Соч. С. 19.

²⁹ Шергин Б.В. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 19.

³⁰ Гемп К.П. Указ. соч. С. 24, 160.

³¹ Ожиданьеца — песня, которую пела поморка, ожидая с морских промыслов отца, брата, мужа или сына.

³² Гемп К.П. Указ. соч. С. 211.

³³ Там же. С. 219–220.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 41.

сказано, что море — это «глубь теменна»³⁶). Всё это — отражение давнего книжного представления о почти inferнальном характере моря (и связанного с этим представления о том, что на севере за морем — «окиянской пучиной нечистой»³⁷ — расположен ад, и потому с севера дуют опасные ветры³⁸)³⁹.

Бурное море в определенных ситуациях может предстать орудием Божьего суда, как это отражено, например, в житии Анзерского пустынножителя Феофана Соловецкого (1739–1819). Феофан рассказывает об обстоятельствах своего прибытия на Соловки: «...идохъ къ морю, на Волок Двинской. Пришедъ на брегъ, обретохъ 3 бревна и, сотворши малъ плотъ, отступихъ от брега в море, воззвахъ ко Христу: “Владыко Господи Иисусе Христе Боже мой! Ты веси предложение мое, яко Тебе, единому Богу работати хотя, бегаю прелести мира сего. Аще волиши на семъ острове спасти мя, то мя удержи зде, аще ли инде — назнаменуй ми место и введи мя тамо. Аще же не хочещи моего покаяния, убо потопи мя во глубине сей, точию да не работаю страстем моимъ...”»⁴⁰. Господь хранит Феофана в море, и так, как известно, начинается соловецкий период его удивительного подвижничества. Печорский сказитель Григорий Иванович Чупров вложил в уста одного из своих героев слова: «Без судьбы Божьей ни один волос с головы не гинёт. Неужели, если Бог не судит, так я утону в мори?»⁴¹.

В былинах о Садко сюжет из «базовой» канвы повествования про жребий, который бросают моряки, чтобы понять, кому надлежит спуститься в морское царство, также можно воспринять как своего рода суд:

Ай метали они жеребьей во синёе во морѣ
Ишше вси-то жеребья да будто гоголи пловут,
Ай Содковой-от жеребь ко дну каменѣм пошол...⁴²

³⁶ Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В.И. Ереминой. СПб., 2008. С. 169.

³⁷ *Митрофан (Баданин)*, иг. Неизвестные подробности Жития преподобного Варлаама Керетского (на материале канона письма Соловецкого монаха Сергия Шелонина) // Русская агиография. Т. 2. СПб., 2011. С. 174.

³⁸ Так, именно северный ветер — причина большой и таинственной бури, в которую попали корабли былинного героя Глеба Володьевича. См. ниже.

³⁹ См. об этом: *Матасова Т.А.* Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV — начале XVI вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 340.

⁴⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 20. СПб., 2020. С. 123–124.

⁴¹ Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. С. 113.

⁴² Былины. В 25 тт. Т. 8. Былины зимнего берега Белого моря. СПб.; М., 2018. С. 750. Фольклористы в сюжете о бросании жребия в былине о Садко справедливо видят отголоски архаических жертвоприношений духам воды. См., например: По-

Список примеров подобных образов и ассоциаций легко продолжить. Тем не менее, в исследовании этой темы можно сделать и наблюдения, лежащие в иных плоскостях.

Во-первых, образ моря в северной традиции универсален. Так, например, на Зимнем берегу Белого моря сказители, упоминая шторма, происходившие по сюжетам былин в теплых морях, описывают их в тех же традициях описания *погоды* (так поморы называли непогоду), что бури на Белом море. Характерны в этом отношении северные варианты былин о киевском герое Глебе Володьевиче:

А как падала погодушка
да со синя моря,
А со синя морюшка
с *Корсуньского*
А со дождями-ти,
с туманами.
А в ту-ту погоду
в синёморьскую
Заносила тут неволя
три черных три-то
корабля⁴³...

Да пошли-то они всё
за синё солоно морё,
Солоно-то всё морё,
морё *Аранскоё*.
Ай во ту ли пору
было, во то время,
Помешалась-то у их
да ихна поветерь⁴⁴...

И как шли-то они по
морю *Хвалыньскому*,
Ише падала погодушка
немалая,
И зачало у йих да
паруса же рвать белы
полотьнены,
Паруса же рвать да
корабли ломать,
Заметало их же
погодушкой же
великою⁴⁵...

Во-вторых, существует определенная традиция описания довольно смутных, но столь желанных возможностей обуздания морских волн силами человека или, по крайней мере, мечта извлечь какую-то пользу из их своенравного характера. Представители русской культуры размышляли над вопросом о том, как укротить коварные и «гордые» волны, подобные, по словам Иоанна Экзарха, бегущему коню? Или хотя бы как познать море (как первый шаг к реализации этих мечтаний)? И как к таким попыткам следует относиться с точки зрения идеалов христианской культуры?

В «Александрии» (средневековом романе об Александре Македонском) есть известный эпизод, где рассказано, как великий завоеватель задумал измерить («испытать») высоту неба и глубину моря и как он потерпел поражение в этом стремлении: «Также и

меранцева Э.В. Народные верования и устное народное поэтическое творчество: жертвоприношение у севернорусских моряков и Садко // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 158–168.

⁴³ Былины. Т. 8. С. 754.

⁴⁴ Там же. С. 759.

⁴⁵ Там же. С. 763.

морскою глоубину восхоте испытати. Съсоудъ стъклянъ оучинивъ и вонъ вниде и юже зело долго и повеле себе въверщи в море. И скончавшуся южоу, нача грысти морьский зверь ракъ клетку: аще бы не извлеченъ былъ [изъ моря, не бы живъ былъ] Александръ»⁴⁶. Как видим, этот добродетельный⁴⁷, в общем, человек, чудом выжил! Неудача Александра объяснена провиденциально: «Сия вся сотворивъ, ища себе бесмертия, но всуе трудися: человекъ смертенъ сотворенъ, не может быти бесмертенъ»⁴⁸. Последние слова отражают основополагающие ценности средневековой культуры, мысль о непостижимости Божьего замысла. Согласно этим представлениям, горделивые попытки во что бы то ни стало раскрыть тайну Творца и творения обречены на провал. Сокровенная встреча Бога и человека может произойти в молитвенном общении с Создателем, но никак не через «испытание» тварного мира.

В предисловии к житию Зосимы и Савватия Соловецких редакции 1503 г. прп. Максим Грек (1470–1556) писал: «Небеси убо высота неиспытана, земли же широта и долгота не осяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема...»⁴⁹ В.В. Ткаченко замечательно раскрыла истоки и смыслы, которые со временем приобрел для русской культуры этот набор категорий (высота, глубина, широта и долгота), в которых прочно укоренились представления об их богословской наполненности и символической нераздельности⁵⁰.

Подобные воззрения вышли далеко за рамки книжности, проникнув в самую ткань народной культуры Русского Севера. Нельзя не вспомнить здесь мысль Б.В. Шергина о том, что «Полунощное море от веков безвестно и человеку непостижимо»⁵¹. Характерны

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 22. М., 2005. С. 203.

⁴⁷ Перечислению добродетелей Александра посвящен специальный раздел: «Добродетели же его се: непотворяемъ языкомъ и непоколебимъ оумомъ и выше меры дароподатливъ ко всемъ и долготерпеливъ на согрешающаа безмерно и сужаще повсегда праведно и ко укоряющимъ его терпеливъ, и клеветующихъ на кого ему не послушаше, но едино оуху, имъже преклоняшеся клеветующему, пръстомъ загражаше. И сими добродетельми всей земли и вселенский царь назвася, сего поlobает и всемъ царствия власть дръжащимъ подражати...». — ПСРЛ. Т. 22. С. 191.

⁴⁸ Там же. С. 203.

⁴⁹ Сочинения Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1862. С. 218; *Минеева С.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 344.

⁵⁰ *Ткаченко В.В.* О книжных истоках запева Кириши Данилова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 3. С. 137–138; *Она же.* «Глубока глубота акиян-море»: пространственные образы в русской книжности, иконописи и фольклоре // *Соловецкое море: историко-литературный альманах.* Вып. 20. Архангельск: М., 2021. С. 75–80.

⁵¹ Цит. по: *Егоров Б.М.* Указ. соч. С. 246.

и слова из дневника мастера-лодочника села Чижиково Онежского района Архангельской области А.Я. Привалихина, где один из героев его повествования, описывая красоту рассвета на Севере, заметил: «Я смотрел на эти явления природы и думал: *разве осмыслишь всю эту красоту?*»⁵² Итак, бурное море непредсказуемо и до конца не постижимо, как и вообще Божий замысел.

Со временем в народной среде, для которой характерно сосуществование глубоко архаичных, восходящих к язычеству представлений и христианских идеалов (тоже нередко специфически осмысленных), появляются и совершенно другие настроения, обнаруживающие попытки как-то повлиять на поведение моря. Так, замечено, что концовка («заклучка») целого ряда былин и песен словами «синему морю на тишину, добрым людям на услышанье» является своего рода заговором. Песни с такой «заклучкой» пели крестьяне на морских рыбных промыслах⁵³. Ю.И. Смирнов пришел к справедливому выводу о том, что «те, кто придумал эту заклучку (и те, кто ее повторял, использовал! — Т.М.), несомненно, хотели пением эпических песен доставить одушевленному морю такое наслаждение, что оно, разволновавшееся, станет успокаиваться или же, будучи спокойным, не помыслит о том, чтобы разбушеваться. Создатели заклучки, наверное, подразумевали определенное море, с которым связывались интересы их самих, — к нему приближались пределы расселения русских людей, через него связывались отношения с западными странами»⁵⁴.

Сходные попытки как-то повлиять на поведение моря (в идеале, «утишить» его) заметны и в некоторых других памятниках народной культуры. Стоит отметить, что такие стремления не были доминирующими, они залегают глубоко под толщей свидетельств о неподвластности человеку морских волн. Тем не менее, они составляют заметную и весьма интересную часть основного корпуса морских характеристик.

Показательно подобное наивное заклинание: «Для утешения вихря. Как вода огонь заливает, так и слова мои бурю утеша-

⁵² История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах местных жителей / Сост. и науч. ред. В.Н. Матонин. Архангельск; М., 2011. С. 92.

⁵³ Смирнов Ю.И. «Синему морю на тишину» // Третьи Мяндинские чтения. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2016. С. 198.

⁵⁴ Смирнов Ю.И. Указ. соч. С. 201. Отметим, то эту заклучку использовала также известная северная сказительница Марфа Семеновна Крюкова (1876–1954) из Нижней Зимней Золотицы, что не было учтено Ю.И. Смирновым. См.: Былины. Т. 9. Былины зимнего берега Белого моря. СПб.; М., 2020. С. 865.

ют. Аминь»⁵⁵. Надо сказать, что у этого заклинания есть и своего рода заговор-антипод, где высказана мысль о том, что это человек должен покориться ветрам и вихрям, а не наоборот: «Хожу яз, раб Божий имярек, подле синее море, прошу Божия милости, стану яз, раб Божий имярек, поклоняться и покоряться четырем ветром и четырем вехорям...»⁵⁶

Великая тайна поведения морских волн отражена в одном из заговоров на болезнь, где сказано: «Есть море окиян, на том мори окияне есть остров... И как на сем свете утихли буйные ветры и на синем мори, так бы утихла грыжа и щепота и всякий недуг и болезнь...»⁵⁷ Показательно, что чудо исцеления уподоблено здесь неведомым, но глубинным силам, которые приводят в движение воды синего моря и определяют его характер. И в заговоре (а заговоры подобного типа были весьма распространены) они словно могут совпасть — хотя бы символически! — с желаниями человека, и таким образом можно надеяться получить какую-то пользу.

Стремление попросить о собственном благополучии в связи с особым поведением моря представлено в интереснейшем заклинании, бытовавшем в Архангельске и Архангельском уезде. Речь в нем идет о том, что для успешной рыбной ловли нужно обратиться к Богородице и святым⁵⁸, и тогда по их благословениям ангелы могут поднять морскую волну, которая приведет рыбу в сети рыболовам в пресные водоемы: «По благословию Господню идите, святые ангелы, ко синю морю с золотыми ключами, *отмыкайте и колебайте синее море ветром и вихером и сильною погодою*, и возбудите красную рыбу, семгу, и белую рыбу, раки и щуку, и прочих разных рыб, и гоните из-подо мху и из-под виченаго куста⁵⁹, и от крутых берегов, и от желтых песков, и чтобы она шла бы к нам, рыболовам... в матушку реку быструю Двину, и в разные реки и озера, и во всякие водяные протоки...»⁶⁰ В этих словах выражена довольно глубокая идея о том,

⁵⁵ Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 157.

⁵⁶ Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, ст. и комм. А.Л. Топоркова. М., 2010. С. 104.

⁵⁷ Там же. С. 133.

⁵⁸ В тексте заговора присутствуют архангелы Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил, Иоанн Предтеча, апостолы Петр и Павел, святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, святитель Николай Чудотворец, святители Московские («русские чудотворцы») Алексей и Иона, мученики Агафон, Никита, мученицы Екатерина и Варвара. Упомянуты также «честной святой Крест» и «Святая Троица». См.: Майков Л. Великорусские заклинания. С. 137–139.

⁵⁹ Т.е. куста с гибкими ветвями. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 195.

⁶⁰ Майков Л. Указ. соч. С. 138.

что даже шторм ангелы могут обратить на потребу человеку, а человек может пробовать на это влиять, взывая к высшим силам.

С одной стороны, здесь проявлено народное осмысление древней богословской идеи, содержащейся уже в Толковой палее: у Господа для поддержания гармонии природы есть «служебные духи» — «ангели облаком, ангели мраком, ангели градом, ангели ледом, ангели мыглом, ангели голотем, аллеги инью, ангели мразу, ангели росам, ангели глосом, аггели молниям, ангели грому, ангели зноеви, ангели зиме, лету, весне, осени, и всем зданиемъ Его»⁶¹. С другой стороны, морское волнение здесь может быть интерпретировано как особая форма движения воды, которое и в богословской традиции, и в народной культуре всегда осмысливалось как великая преобразующая, обновляющая, исцеляющая сила. В литургической практике православной церкви чин освящения воды подразумевает чтение евангельского фрагмента: «Есть же во Иерусалимех овчая купель, яже глаголется еврейски вифесда, пять притвор имущи, в тех слезаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды. Ангел бо Господень на всяко лето сходяше в купель и возмущаше воду: и иже первее влазаше по возмущении воды, здрав бываше, яцем же недугом одержимъ бываше» (Ин. 5: 2–4). Народная традиция, опираясь на архаичные представления о течении воды, символизирующем изменения (и, вероятно, осмысливая регулярно повторяемую в церкви евангельскую цитату!), стремится поставить это движение на службу человеку посредством магических ритуалов. Неслучайно «в поэтическом фольклоре образ текущей воды — один из ключевых»⁶². Выдающийся современный исследователь народной культуры С.Б. Адоньева приводит весьма колоритный эпизод: «Во время фольклорной экспедиции на Север России мне пришлось записывать заговоры от тоски. Совершать эту целительную практику нужно было у реки и над речной водой произносить слова. “А в городе, — пояснила женщина, — можно говорить над батареей”. Выбор места для заговора она объяснила тем, что в батарее вода течет, именно поэтому такое место подходит для магии. То есть для лечебного эффекта важно, чтобы вода, над которой произносится заговор, была проточной <...> Для эффективности ритуала нужна была не просто вода, а ее движение»⁶³. В сходной парадигме рассуждают

⁶¹ Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. 2. Тексты плоскостно-комарной и других космологических традиций / Подгот. В.В. Мильков, С.М. Полянский. СПб., 2009. С. 174–175.

⁶² Адоньева С.Б. Символический порядок. СПб., 2011. С. 78.

⁶³ Там же. С. 73.

и другие информанты: «Вот ежели с реки идешь с бельем, вымыла белье, значит: “Водица-царица, тебе легкого течения, мне доброго здоровьица”»⁶⁴. Интересно, что, согласно традиционным представлениям, в море вода тоже «течет»⁶⁵, и именно это, надо думать, не в последнюю очередь обуславливает такое широкое использование образов моря в обрядовых и/или магических формулах («в море-окияне, на острове Буяне...» и т.п.).

В этой связи нельзя обойти сюжет о Садко. В знаменитом сборнике Кириши Данилова (середина — вторая половина XVIII в.), где представлены наиболее древние изводы былин о Садко, есть сюжет о том, как купец уснул и ему явился свт. Николай⁶⁶, приказавший ему прекратить тешить морского царя, поскольку его подводная пляска является причиной бурь и штормов, из-за которых гибнут люди⁶⁷:

Гой еси ты, Садко-купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончатые:
Расплесался у тебе царь морской,

⁶⁴ Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века. Т. 2. Вологодская коллекция. СПб., 2020. С. 341.

⁶⁵ «Встану благословясь, выйду перекрестясь, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, пойду я в чисто поле, за чистым полем дремучий лес, за лесом течет окиян-море...». — Цит. по: *Адоньева С.Б.* Символический порядок. С. 78.

⁶⁶ Интерес представляет тот факт, что в поздних вариантах былины, отразившихся в наследии М.С. Крюковой, свт. Николай назван «седым стариком» (Былины. Т. 9. С. 837), «стариком очунь старым» с «белой бородой» (Там же. С. 856). И только в конце былины оказывается, что это святитель Мирликийский. Как представляется, это не отражение «безбожного XX в.», а осторожность сказительницы, семья которой была раскулачена (Там же. С. 1104).

⁶⁷ В одном из вариантов повествования о Садко это ярко выражено через прямое обращение Высших сил к морскому царю: «Потом глас с небес гласит царю: “Время усмириться (!), триста караблей (!) потонуло, а мелких и сметы нету”». (Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. С. 354). Интересен и печорский вариант одной из былин о Садко, зафиксированный еще в 1902 г., где сказано, что Садко сам понял, что пляска морского царя приводит к бурям, от которых гибнут люди:

Кабы стал-то морской царь да поплясывать:
Сколыбалосе тогда да всё синё морё,
Заходила-то повальня тогда сильняя.
Да подумал-то Садко, купец богатая,
“Я-то много потоплю караблей купеческих”
Он розорвал свои да гусли звончатые...

(Былины. Т. 2. Былины Печоры. СПб.; М., 2001. С. 245). Тем не менее, отдельные материалы свидетельствуют, что морской царь порой специально предупреждает моряков о шторме, но такие рассказы редки (*Криничная Н.А.* Русская мифология: мир образов фольклора. Екатеринбург, 2004. С. 346–347; *Она же.* Мифология воды и водоемов. Петрозаводск, 2014. С. 110).

А сине море сколыбалось,
А и быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят души напрасныя
Тово народу православнова⁶⁸.

Далее Садко представлен воистину сверхчеловеком, укротившим бурю:

А и тут Садко-купец, богатой гость,
Изорвал он струны золоты
И бросает гусли звончаты.
Перестал царь морской скакать и плесать,
Утихла моря синея,
Утихли реки быстрыя...⁶⁹

Как видим, в невероятных обстоятельствах, в которых оказался Садко, по благословению свт. Николая (у которого есть, в свою очередь, Божье благословение управлять волнами, поскольку именно Господь, согласно ортодоксальной парадигме, «владевает державою морскою» (Пс., 88:10) и является «защитою от бури» (Ис., 25:4), человек вполне может через символические действия укротить море, когда оно волнуется не по велению Божию, а по воле морского царя («царишша Поддонишша»⁷⁰).

Здесь уместно вспомнить поведенную унской сказительницей Ульяной Ивановной Базаковой сказку об Иване-солдате, который попал в плен к морскому царю и, когда хотел бежать, море дважды тянуло его назад («Вот морё кверху подыматця, его туды и унесло... Ясным соколом овернулся [Иван], летел, летел, маленько не долетел, морской царь схватился, море подыматця, да его опять и утенуло»). И лишь на третий раз «Иван опять летел, да и перелетел»⁷¹. Как видим, морская вода сильна, но и человек способен на многое. Однако это не «самовластие души» человека, о чем размышлял еще Федор Курицын в конце XV в., а торжество Божьей правды над волей морского царя. И если морской царь — это почти Нептун⁷², то актуальна содержащая-

⁶⁸ Древние российские стихотворения... С. 295.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Былины. Т. 2. С. 242.

⁷¹ Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. С. 266, 267.

⁷² В новейшее время в среднем течении р. Мезени были записаны слова: «По-едешь неводить, дак помолись да, побожись да, попроси да <...> царя Нептуна <...> Дак он ведь *водяной царь-то, Нептун...*». — Магические практики севернорусских деревень: Заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века. Т. 1. Архангельская коллекция. СПб., 2020. С. 465.

яся в хронографах мысль о том, что «боги египетские (и шире — языческие. — Т.М.) сиречь бесы»⁷³, удел которых — погибнуть «от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением»⁷⁴.

В приведенных сюжетах нетрудно разглядеть не только христианскую основу, но и нередкое для носителей ценностей народной культуры убеждение в существовании «хозяев» каждого места, каждого природного явления, каждой стихии. «Видимый мир, в котором действуют люди, в каждой своей точке соприкасается с невидимым, с другой реальностью — миром “сил”, “хозяев” <...> Когда место оказывается в сфере интересов человека, он должен вступать в диалог с хозяином места»⁷⁵.

Интересно, что в «Голубиной книге» встречается иное объяснение появления опасных, смертоносных волн на море, в основе которого — веление Божие:

Стратим-птица всем птицам мати.
Почему она всем птицам мати?
Живет стратим-птица на океане-море
И детей производит на океане-море.
По Божьему все повелению
Стратим-птица вострепенется,
Океан-море восколыхнетя;
Топит она корабли гостинные
Со товарами драгоценными, —
*Потому стратим-птица всем птицам мати*⁷⁶.

⁷³ ПСРЛ. Т. 22. С. 185

⁷⁴ Это слова из молитвы Кресту Господню: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...», принадлежащие к числу наиболее известных.

⁷⁵ *Адоньева С.Б.* Заговоры, обереги и лечебные ритуалы севернорусских деревень // *Магические практики севернорусских деревень*. Т. 1. СПб., 2020. С. 32, 37.

⁷⁶ Голубиная книга. С. 40–41. Известен и другой вариант этой истории с птицей:

А нагай-птица — всем птицам мати.
А живет она на океане-море,
А вьет она гнездо на белом камени;
Набежали гости-корабельщики
А на то гнездо нагай-птицы
И на его детушак (!) на маленьких,
Нагай-птица вострепенетя,
Океан-море восколыхнетя,
Кабы бысыры реки разливались,
Топят многи бусы-корабли,
Топят многи червлены корабли,
А все ведь души напрасные...

(Там же. С. 48). Мотив о чудесной птице, живущей на воде, относится к числу самых архаичных и распространенных в культурах Евразии. Так, рассказ о сотворении мира у народов коми связан преданием об утке, свившей гнездо на море.

Тема веления Божьего в отношении волн, которые были созданы, согласно христианской парадигме, во второй день Творения, любопытно переосмыслена в одном из преданий олонецких крестьян: «Вначале в мире ничего не было, кроме воды и ветра. Ветер постоянно дул, вода вечно волновалась, шумела. Шум этот несся к небу и сильно беспокоил Бога. Наконец Бог разгневался и крикнул, чтобы волны окаменели. И вот волны превратились в каменные горы, а отдельные брызги в камень, рассеянные повсюду. Горы долго сохраняли форму волн, но дожди постепенно изменили ее»⁷⁷.

Итак, вне зависимости от объяснения природы появления бурных морских волн, господствовало убеждение, согласно которому море, подчиняющееся лишь Создателю, укротить простому человеку в обычных обстоятельствах нельзя, но люди могут стремиться так устроить, чтобы движение волн можно было бы приспособить под свои нужды. По справедливому наблюдению С.Б. Адоньевой, «фольклор — орудие власти и контроля <...> Фольклорная речь, принимаемая как коллективная стратегия, разработанная для индивидуального пользования, оказывается тем не менее орудием коллективного контроля»⁷⁸. Представляется, что в рассмотренных свидетельствах заметны попытки «контролировать неконтролируемое».

Однако в особых случаях вырисовывается иная картина. В одном из северных сказаний о Петре Великом подчеркивается, что император смог не только обуздать, но и высечь (!) «море» (Ладожское озеро). Согласно повествованию, Петр, отправившись в 1694 г. «из Питера» (!) на Соловки, поехал через Ладожское озеро, на котором было сильное волнение: «вдруг поднялась буря-падара»⁷⁹, погода непомерная... Вышел царь на берег; кружит его — укачало сине море... Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море... После того Ладожское стало смиреннее и тишину имеет...»⁸⁰. Показательно и содержание другого народного предания о Петре I, где говорится о том, что император высек («вицей хромал») морского царя, и тот навсегда покинул Онежское озеро⁸¹. Появление и распространение подобных рассказов свидетельствует о становлении апологетических настроений в отношении российского абсолютизма в

⁷⁷ Криничная Н.А. Мифология воды и водоемов. С. 155.

⁷⁸ Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004. С. 275.

⁷⁹ Па́дара — буря, сопровождающаяся выпадением мокрого снега, вьюга и всякая плохая погода с сильным ветром.

⁸⁰ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подг. Н.А. Криничная. Л., 1978. С. 124.

⁸¹ Криничная Н.А. Мифология воды и водоемов. С. 209.

народной среде. Здесь представлена в уже сложившемся виде мысль о богоподобии императора, который, как и Господь, может обуздать «грозный стон стихий»⁸².

Заметим, что М.В. Ломоносов (1711–1765) через мотив наказания Петром Великим морских волн — кажется, впервые в литературе! — выразил мысль о всеилии императора, перед которым ученый-энциклопедист, как известно, преклонялся. В героической поэме «Петр Великий» (1756–1761) Ломоносов, описывая шторм, в который попал Петр по пути на Соловки⁸³, опустил все реальные детали преодоления непогоды: там лишь волны и Петр. Показательно, что Ломоносов уподобил бурное море разъяренному коню, и эта метафора была, несомненно, заимствована поэтом из Иоанна Экзарха⁸⁴.

Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовыя,
Так север, укротясь, впоследствии восстал...⁸⁵

Образ Петра здесь тем ярче, что он создан через совсем короткое время после появления знаменитого морского канта «Буря море

⁸² Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 284. Отметим, что сюжет о том, как великий государь высек сам или приказал высечь море, восходит к античным преданиям. Так, Геродот в рассказе о переходе армии Ксеркса через Геллеспонт повествует о том, как разгневанный правитель велел бичевать бурное море: «Царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом: “О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя накает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет...”». — Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 325.

⁸³ Высказывалось мнение, что в рассматриваемом фрагменте Ломоносов прибегнул к «поэтической вольности», поскольку описал шторм, в который государь попал не в 1702 г., а в ходе первой поездки на Соловки восемью годами ранее, в начале июня 1694 г. (см.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. М.; Л.: 1959. С. 1022, прим. 5; с. 1024–1025, прим. 21, 22, 29.) На самом же деле это объединение в один рассказ свидетельств о двух событиях не является авторским художественным решением Ломоносова, а основано на сложившихся к середине XVIII в. поморских преданиях, в которых эти события объединены (см. подробно: Паишков А.М. Помор Антип Панов в исторической памяти российского общества // Вестник Северного Арктического федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 3. С. 20; Паишков А.М. Петр Великий и его эпоха в поморских Русского Севера: взгляд историка // Урванцева Н.Г. Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера: библиографический указатель. СПб., 2021. С. 20).

⁸⁴ См. подробно об этом: Матасова Т.А. Иоанн Экзарх, Петр Великий и М.В. Ломоносов: таинственная встреча на берегу Белого моря // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой. Сборник научных статей. М., 2023. С. 104–113.

⁸⁵ Ломоносов М.В. Избранные произведения. С. 284–285.

раздымает...»⁸⁶ (ок. 1710), где грозный шторм описывается как жуткое явление, исход которого никогда не ясен:

Нестерпимо везде горе:
Грозит небо, шумит море,
Вся надежда бесполезна,
Везде пропасть, кругом бездна,
Кругом бездна.

Если сему кто не верит,
Пускай в мори сам измерит, —
А когда сам искутится,
В другой мысли очутится,
Очутится⁸⁷.

Здесь заметен целый ряд аллюзий на уже цитировавшиеся классические памятники средневековой литературы. Уподобление бушующего моря inferнальной бездне, упомянутой в Псалтири, встречаем в житии Зосимы и Савватия Соловецких: «Бе бо уже осень, и въздуха небеснаа применися на студень, и быста снегове. И ста волние морское неукротимо, и ледомъ плавающим по морю... естество водное неукротимо преходить симо и овимо со устремлениемъ быстрая зело. Сие бо Давыдъ пророкъ писа въ псаломский книзе: духомъ усть Его вся сила ихъ, събираа, яко михъ, воды морския и полагаа въ сховищихъ бездны...»⁸⁸. Мотив «испытания» моря встречается в «Александрии». Впрочем, к XVIII в. произошла закономерная эволюция в восприятии «измерения» моря: «Автор предлагает тем, кто не верит, самим измерить море»⁸⁹, и это воспринимается не как греховное, но как опасное дело.

С XVIII столетия тема бури всё чаще встречается в литературных памятниках, что говорит о стремлении осмыслить это явление, собрав все факты о нем. Одна из песен — «Встала буря, ветры дуют, тучи помрачили свет...»⁹⁰ — в яркой и экспрессивной форме повествовала о тяжелых условиях штормов. Другая — «Житье в море беспокойно» — по наблюдениям А.В. Позднеева, «воспроизводила

⁸⁶ *Васильева Е.Е.* «Навигацкий кант»: бытование, история, исторический контекст // *Русский фольклор: материалы и исследования. Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления.* Т. 37. СПб., 2018. С. 81–97; *Васильева Е.Е.* «Буря море раздымает...»: из истории книжных песен // *Вестник СПбГУКИ.* Т. 31. № 2 (июнь). С. 130–134.

⁸⁷ *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 309.

⁸⁸ *Минева С.В.* Указ. соч. С. 21.

⁸⁹ *Позднеев А.В.* Указ. соч. С. 310.

⁹⁰ Там же. С. 313–314.

иносказательно злоклучения человека в бурях житейских»⁹¹, т.е. отсылала к привычным русской культуре аллюзиям.

Таким образом, главным свойством морских «треволненных шумов»⁹², как они изображены в рассмотренных памятниках, является их неукротимость, неподвластность человеку. Бурные «синеморские»⁹³ волны весьма долго ассоциируются со смертельной опасностью. Романтические ассоциации, связанные с образом шторма, выраженные, например, в лирике А.С. Пушкина («Шуми, шуми, послушное ветрило, // Волнуйся подо мной, угрюмый океан»), много младше средневековых источников. Запечатленные в книжности и фольклоре попытки как-то повлиять на поведение моря (или хотя бы извлечь пользу из его мятежного нрава) носят довольно робкий и не всегда оформленный характер⁹⁴, но всё же ясно различимы на общем фоне свидетельств. Они восходят преимущественно к народной культуре, связанной с повседневной магией. Исключением выступают здесь сюжеты, связанные с могучим образом Петра Великого, который, впрочем, в реальности также был бессилён в ситуации шторма⁹⁵. В отмеченных настроениях русской культуры Нового времени, в том числе народной, проникнутой учением Церкви, легко заметны отблески «прекрасного сияния Древней Руси»⁹⁶.

References

Adon'yeva S.B. *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU; Amfora, 2004. 309 p.

Adon'yeva S.B. *Simvolicheskiy poryadok* [Symbolic Order]. Saint Petersburg: Proppovskiy tsentr; Amfora, 2011. 167 p.

Adon'yeva S.B. *Zagovory, oberegi i lechebnyye ritually severnorusskikh dereven'* [Incantations, Amulets and Healing Rituals of the Northern Russian Villages] // *Magicheskiye praktiki severnorusskikh dereven'* [Magical Practices of the Northern Russian Villages]. Vol. 1. Saint Petersburg: Proppovskiy tsentr, 2020. P. 11–54.

⁹¹ Там же. С. 345.

⁹² ОР РГБ. Ф. 17 (Собр. Е.В. Барсова). № 365. Л. 77 об. Сердечно благодарю Ю.С. Белянкина за указание на эти слова.

⁹³ Былины. Т. 8. С. 754.

⁹⁴ Показательно в этом отношении, что специального типа заговоров «на морскую бурю» не сложилось.

⁹⁵ Как известно, во время шторма у Унских рогов царь был отстранен от управления кораблем опытным кормщиком Антипом Тимофеевичем Пановым, которому удалось спасти судно от потопления (см. подробно: *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске: События, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. С. 41–43; *Паишков А.М.* Помор Антип Панов... С. 15–26).

⁹⁶ Так выразился Б.В. Шергин в одной из дневниковых записей, не имеющих, увы, точной датировки. Опубликовано: *Егоров Б.М.* Указ. соч. С. 208.

- Barankova G.S., Mil'kov V.V. *Shestodnev Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo* [Six Days of Creation by John the Exarch of Bulgaria]. Saint Petersburg: Aleteia, 2001. 972 p.
- Bil'dyug A.B. "Komu suzhdeno, tak tomu suzhdeno": rasskazy o spasenii na more ["To Whom It Is Fated, So It Is Fated": Stories about Rescue at Sea] // *Russkaya literatura*. 2023. N 1. P. 21–28.
- Chichurov I.S. "Khozhdeniye apostola Andrey'a" v vizantiyskoy i drevnerusskoy tserkovno-ideologicheskoy traditsii [A Journey of the Apostle Andrew in Byzantine and Old Russian Ecclesiastical and Ideological Tradition] // *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Church, Society and State in Feudal Russia]. Moscow: Nauka, 1990. P. 7–23.
- Dmitriyev L.A. *Povest' o zhitii Varlaama Keretskogo* [A Tale of the Life of Varlaam of Keret] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 25. Moscow; Leningrad: Nauka, 1970. P. 178–197.
- Dmitriyeva R.P. *O chudesakh svyatykh, pomogayushchikh terpyashchim bedstviye na Belom more (XV–XVII vv.)* [On the Miracles of Saints Helping Those in Distress on the White Sea (from the 15th through the 17th Century)] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 52. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001. P. 645–656.
- Gemp K.P. *Skaz o Belomorie* [A Tale about Belomorie]. Moscow; Solovki islands: Izdatel'stvo TSM, 2021. 304 p.
- Gost'yev I.M. *Petr I v Arkhangel'ske: sobytiya, relikvii i istoricheskaya pamyat'* [Peter I in Arkhangelsk: Events, Relics and Historical Memory]. Arkhangelsk: Arkhangel'skiy krayevedcheskiy muzey, 2022. 303 p.
- Istoriya ot pervogo litsa: mir severnoy derevni nachala XX veka v pis'mennykh svidetel'stvakh mestnykh zhiteley* [First-Person History: The World of the Early 20th-Century Northern Village in the Written Testimonies of Local Residents] / Comp. and ed. by V.N. Matonin. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2011. 360 p.
- Kalugin V.V. *Zhitiye Trifona Pechenskogo, prosvetitelya saamov v Rossii i Norvegii* [The Life of Tryphon of Pechenga, the Enlightener of the Sami in Russia and Norway]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2009. 600 p.
- Krinichnaya N.A. *Mifologiya vody i vodoyemov* [Mythology of Water and Reservoirs]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2014. 388 p.
- Krinichnaya N.A. *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian Mythology: The World of Images of Folklore]. Moscow: Akademicheskii Proyekt; Gaudeamus, 2004. 1008 p.
- Laushkin A.V. *Morskiye chudesa prepodobnogo Irinarkha Solovetskogo kak istochnik po istorii vesnoval'nogo promysla pomorov vo vtoroy chetverti XVII v.* [Sea Miracles of the Monk Irinarkh of Solovki as a Source on the History of Spring Fishing of the Pomors in the Second Quarter of the 17th Century] // *Dukhovnoye i istoriko-kul'turnoye naslediyе Solovetskogo monastyr'ya. Pervaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statey i dokladov* [Spiritual and Historical-Cultural Heritage of the Solovetsky Monastery. The First International Scientific Conference. Collection of Scientific Articles and Reports]. Solovki: [s. n.], 2011. P. 75–79.
- Layus D.L., Dmitriyeva Z.V., Kraykovskiy A.V. "More — nashe pole": kolichestvennyye dannyye o rybnnykh promyslakh Belogo i Barentseva morey XVII — nachala XX vv. ["The Sea is Our Field": Quantitative Data on Fisheries in the White and Barents Seas from the 17th through the Early 20th Century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 217 p.

Matasova T.A. *Evropeyskiy sever i severo-vostok v predstavleniyakh russkikh i ital'yantsev v XIV — nachale XVI vv.* [European North and North-East in the Representations of Russians and Italians from the 14th through the Early 16th Century] // *Srednevekovaya Rus'*. Issue 10. Moscow: Indrik, 2012. P. 332–367.

Matasova T.A. *Ioann Ekzarkh, Petr Velikiy i M. V. Lomonosov: tainstvennaya vstrecha na beregu Belogo morya* [John the Exarch, Peter the Great and M.V. Lomonosov: A Mysterious Meeting on the Shore of the White Sea] // *Goroda i lyudi staroy Rossii. K yubileyu professora N.V. Kozlovoy. Sbornik nauchnykh statey* [Towns and People of Old Russia. To the Anniversary of Professor N.V. Kozlova. Collection of Scientific Articles]. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 2023. P. 104–113. (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History at Moscow State University]. Issue 235. Series II. *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Researches], 163).

Matonin V.N. *Arkticheskoye moreplavaniye kak forma asketiki i dukhovnogo dela* [Arctic Seafaring as a Form of Asceticism and Spiritual Work] // *Reka Kusheretska: morekhodnaya kniga XVIII v. (istoriko-kul'turnyy kontekst, materialy, issledovaniya)* [Kusheretska River: A Seafaring Book of the 18th Century (Historical and Cultural Context, Materials, Researches)]. Arkhangelsk: Izdatel'stvo TSM, 2011. P. 25–32.

Matonin V.N. "More — nashe pole". *Sotsiokul'turnoye prostranstvo severnoy derevni: genezis, struktura, semantika* ["The Sea is Our Field". Socio-Cultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangelsk: IPTS SAFU, 2013. 334 p.

Mineeva S.V. *Rukopisnaya traditsiya Zhitiya Zosimy i Savvatiya Solovetskikh (XVI–XVIII vv.)* [Manuscript Tradition of the Life of Zosima and Savvatii of Solovki (from the 16th through the 18th Century)]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 502 p.

Mitrofan (Badanin), hegumen. *Neizvestnyye podrobnosti Zhitiya prepodobnogo Varlaama Keretskogo (na materiale kanonov pis'ma solovetskogo monakha Sergiya Shelonina)* [Unknown Details of the Life of the Monk Varlaam of Keret (according to the Canon of the Letter of Solovki's Monk Sergii Shelonin)] // *Russkaya agiografiya* [Russian Hagiography]. Vol. 2. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2011. P. 161–179.

Morozov S.V. *Morskiye chudesa solovetskikh svyatykh* [Sea Miracles of Solovki's Saints] // *Solovetskoye more* [Solovki's Sea]. Issue 4. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2005. P. 9–14.

Morskiye chudesa prepodobnykh Zosimy i Savvatii Solovetskikh. Zhitiynnye istochniki, kommentarii [Sea Miracles of the Monk Zosima and Savvatii of Solovki. Hagiographic Sources, Commentaries] / Publ. by V.N. Matonin // *Solovetskoye more: istoriko-literaturnyye al'manakh* [Solovki's Sea: Historical and Literary Almanac]. Issue 8. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2009. P. 8–11.

Nazarenko A.V. "Slovo ob obnovenii Desyatinnoy tserkvi", ili *K istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevney Rusi* ["The Word on the Renewal of the Church of the Tithes", or On the History of the Veneration of Saint Clement of Rome in Ancient Rus']. Moscow; Brussels: Assotsiatsiya Svyatoy Troitsy Moskovskogo Patriarkhata; Svyato-Yekaterininskiy muzhskoy monastyr', 2013. 223 p.

Pashkov A.M. *Petr Velikiy i yego epokha v fol'klore Russkogo Severa: vzglyad istorika* [Peter the Great and his Epoch in the Folklore of the Russian North: A Historian's View] // *Urvantseva N.G. Petr Velikiy kak fol'klornyy geroy Russkogo Severa: bibliograficheskiy ukazatel'* [Peter the Great as a Folklore Character of the Russian North: Bibliographic Index]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2021. P. 9–32.

Pashkov A.M. *Pomor Antip Panov v pamyati rossiyskogo obshchestva* [Pomor Antip Panov in the Historical Memory of the Russian Society] // *Vestnik Severnogo Arkticheskogo federal'nogo universiteta*. Series "Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki". 2021. Vol. 21. N 3. P. 15–26.

Pomerantseva E.V. *Narodnyye verovaniya i ustnoye narodnoye poeticheskoye tvorchestvo: zhertvoprinosheniye u severnorusskikh moryakov i Sadko* [Folk Beliefs and Oral Folk Poetry: Sacrifice among the Northern Russian Sailors and Sadko] // *Folklor i etnografiya* [Folklore and Ethnography]. Leningrad: Nauka, 1970. P. 158–168.

Pozdneev A.V. *Rukopisnyye pesenniki XVII–XVIII vv.* [Manuscript Songbooks of the 17th and 18th Centuries]. Moscow: Nauka, 1996. 445 p.

Smirnov Yu.I. "Sinemu moryu na tishinu" ["To the Blue Sea for Silence"] // *Tret'i Myandinskiye chteniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (8–9 iyulya 2015 g., g. Syktyvkar)* [The 3rd Myandinskiye Readings. Collection of Scientific Papers according to the Materials of the All-Russian Scientific Conference (8–9 July 2015, Syktyvkar)]. Syktyvkar: Izdatel'stvo SGU imeni Pitirima Sorokina, 2016. P. 193–201.

Solovetskiy monastyr' i morskoye naslediyе Russkogo Severa [Solovetsky Monastery and the Maritime Heritage of the Russian North] / Ed. by A.V. Laushkin. Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2023. 208 p.

Tkachenko V.V. "Gluboka glubota akiyan-more": *prostranstvennyye obrazy v russkoy knizhnosti, ikonopisi i fol'klore* ["Very Deep Sea-Ocean": Spatial Images in Russian Books, Icon Painting and Folklore] // *Solovetskoye more: istoriko-literaturnyye al'manakh* [Solovki's Sea: Historical and Literary Almanac]. Issue 20. Arkhangelsk; Moscow: Izdatel'stvo TSM, 2021. P. 75–80.

Tkachenko V.V. *O knizhnykh istokakh zapeva Kirshi Danilova* [On the Book Origins of Kirsha Danilov's Song Introduction] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. N 3. P. 137–138.

Ukhanova E.V. *Kul't sv. Klimenta, papy Rimskogo, v istorii Vizantiyskoy i Drevnerusskoy Tserkvi IX — pervaya polovina XI v.* [The Cult of Saint Clement, Pope of Rome, in the History of the Byzantine and Old Russian Church from the 9th through the First Half of the 11th Century] // *Slavistika: Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. 1997–1998 gg. Vol. 5. Naples: MYUO, 2000. P. 505–570.

Vasilieva E.E. "Burya more razdymayet...": *iz istorii knizhnykh pesen* ["The Storm Razes the Sea...": From the History of Book Songs] // *Vestnik SPbGUKI*. Vol. 31. N 2 (June). P. 130–134.

Vasilieva E.E. "Navigatskiy kant": *bytiye, istoriya, istoricheskiy kontekst* ["Ship's Canto": Existence, History, Historical Context] // *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Researches]. Vol. 37. *Fol'klorizm v literature i kul'ture: ponyatiya granits i sushchestvennyye yavleniya* [Folklorism in Literature and Culture: The Boundaries of the Concept and the Essence of the Phenomenon]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. P. 81–97.

Yegorov B.M. *Moy Boris Shergin* [Boris Shergin of Mine]. Arkhangelsk: Biblioteka – Arkhangelskiy literaturnyy muzey, 2022. 360 p.

Поступила в редакцию
15 мая 2024 г.